

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

МОНАСТЫРЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЁВА

Денис Владимирович Макаров

магистр теологии, магистр права
аспирант Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
anastasiya.anik@gmail.com

Для цитирования: Макаров Д. В. Монастырь в жизни и творчестве И. С. Шмелёва // Богословский вестник. 2022. № 4 (47). С. 227–255. DOI: 10.31802/GB.2023.47.4.013

Аннотация

УДК 82.091 (27-29) (821.161.1)

Основная цель исследования — выявить роль монастыря в жизни и творчестве Ивана Сергеевича Шмелёва, а также показать значение в судьбе писателя личного общения с монашествующими, в том числе с преподобным Варнавой Гефсиманским. В работе применяются биографический, сравнительно-исторический методы и метод филологического анализа. Для достижения указанной цели анализируется биография писателя, художественные произведения И. С. Шмелёва, в которых встречаются образы монастыря и монашествующих, особенно преподобного Варнавы Гефсиманского, в частности, романы «История любовная», «Лето Господне», «Пути Небесные», повесть «Богомолье», очерки «У старца Варнавы», «Подвижники» и другие. Наиболее важные результаты исследования: в жизни И. С. Шмелёва православный монастырь занимал важнейшее место, все наиболее значимые моменты жизни писателя (женидьба, выбор жизненного пути, смерть) непосредственно связаны с монастырём. Монастырские мотивы пронизывают практически все его значительные произведения, а образы монахов-подвижников стоят на самой вершине его художественно-поэтического Фавора. Монастырь выполняет важные функции в художественном мире писателя. Всё самое значительное и важное для судеб его главных героев так или иначе связано с монастырём. В творчестве Шмелёва монастырь — это и духовная вершина, где герой удостоивается видения святости; и нравственный (а также и социальный) идеал человеческого общежития; обличитель порока и указатель правого пути. Монастыри в художественном мире Шмелёва буквально «светят миру».

Ключевые слова: литература русского зарубежья, творчество Ивана Сергеевича Шмелёва, православный монастырь.

The Monastery in the Life and Work of I. S. Shmelev

Denis V. Makarov

Doctor of Cultural Science

Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

denis.makarov@mail.ru

For citation: Makarov, Denis V. "The Monastery in the Life and Work of I. S. Shmelev" *Theological Herald*, no. 4 (47), 2022, pp. 227–255 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.47.4.013

Abstract. The main purpose of the study is to reveal the significance of the monastery in the life and work of Ivan Sergeevich Shmelev, as well as to show the significance of personal communication with monastics, including St. Barnabas of Gethismane, in the fate of the writer. The comparative-historical method and the method of philological analysis are used in the work. To achieve this goal, the biography of the writer, works of art by I. S. Shmelev, in which there are images of the monastery and monastics, especially the Monk Barnabas of Gethsemane, in particular the novels *Love Story*, *The Summer of the Lord*, *Ways of Heaven*, the story *Praying Man*, essays *At the Elder Barnabas*, *Ascetics* and other. The most important results of the study: in the life of I. S. Shmelev, the Orthodox monastery occupied the most important place: all the most significant moments of the writer's life (marriage, choice of life path, death) are directly related to the monastery. Monastic motifs permeate almost all of his significant works, and the images of ascetic monks stand at the very top of his artistic and poetic Tabor. The monastery performs important functions in the artistic world of the writer. All the most significant and important for the fate of these heroes is somehow connected with the monastery. The monastery in the work of Shmelev and the spiritual peak, where the hero is honored with a vision of the radiance of holiness; and moral (as well as social) ideal of human community; accuser of vice and pointer to the right path. Monasteries in the artistic world of Shmelev literally «shine the world».

Keywords: literature of the Russian diaspora, the work of Ivan Sergeevich Shmelev, an Orthodox monastery.

Введение

На рубеже 1950–60-х гг. иерарх Русской Зарубежной Церкви архиепископ Чикагский и Детройтский Серафим (Иванов) писал, что Шмелёв покори́л его «тонким знанием глубин православия»:

«Никто из современных русских писателей не проник так глубоко в душу русского народа, не выявил её надмирную сущность, не отметил её *запечатлённость*»¹.

В начале XXI в. один из самых глубоких исследователей творчества писателя А. М. Любомудров подтверждает и развивает мысль святителя:

«Шмелёв не только ярко воплотил церковный быт, но, может быть, как никто до него из русских писателей, глубоко и полно воссоздал целостное православное мировоззрение. Он запечатлел образы людей, живущих с чувством постоянного присутствия Божия, изнутри показал общение человека с высшей реальностью, создал картины “духовной брани”»².

Именно это соединение глубинного знания русской души и православного мировоззрения является сущностью творчества писателя. В основе художественного взгляда на человека у Ивана Сергеевича Шмелёва лежит мировидение, в сердцевине которого находится аскетический опыт христианских подвижников, который аккумулировался преимущественно в православных монастырях. «Монашество — выражение самой сути, духа православия. Монастырь всегда рассматривался верующими как воплощение истинной жизни по евангельским заповедям, источник святости и благодати, как хранитель догматов и канонов православной веры... монашество — путь преображения человеческой природы, обретения подлинной цельности, раскрытия всех духовных сил человека»³, — подчёркивает исследователь творчества писателя. Шмелёв, несомненно, хорошо чувствовал и понимал это, поэтому не случайно православный монастырь занимает особое место в его жизни и творчестве.

Устремление героев Шмелёва к монастырю, однозначно положительная его оценка и согретое особым теплом и любовью художественное

1 *Серафим, архиеп. Чикагский и Детройтский*. Бытописатель русского благочестия (к десятилетию со дня кончины И. С. Шмелёва). [1960] // ОР РГБ. Ф. 387. К. 10. Ед. хр. 49.

2 *Любомудров А. М.* Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелёва // Христианство и русская литература. Сборник статей и материалов: в 7 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 1994. С. 365–366.

3 Там же. С. 366.

его изображение показывают, что именно в монастыре Шмелёв видел воплощение своих идеалов чистоты и святости. Во многом это связано с жизненным опытом самого писателя.

Чтобы лучше понять значение монастыря в художественном мире Шмелёва, сначала необходимо рассмотреть, какую роль сыграли монашеские и какое место занял православный монастырь в жизни писателя.

1. Роль монастыря в жизни писателя

Наибольшее влияние, вероятнее всего, оказали на Ивана Сергеевича встречи со старцем Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры прп. Варнавой Гефсиманским. А. М. Любомудров утверждает, что «Шмелёв виделся с ним только два раза»⁴, имея в виду, видимо, первую встречу в детстве, так хорошо описанную в повести «Богомолье» (1931 г.), и вторую, произошедшую сразу после свадьбы, во время которой старец предсказал писателю его предназначение и будущую славу. Эта встреча описана Шмелёвым в очерке «У старца Варнавы. К 30-летию со дня его кончины» (1936 г.). Можно допустить, что встреч со старцем было больше. Вполне вероятно, что паломничества в Троице-Сергиеву Лавру юный писатель совершал и после знаменательных событий, описанных в повести «Богомолье». Об этом косвенно свидетельствуют строки романа «История любовная» (1926–1927 гг.):

«Женька!.. — кинулся я к нему, — услышат!! Это же... Мы же дали слово не оскверняться такими мыслями, грязными разговорами!.. Помнишь, как у Сергия-Троицы со старцем Варнавой говорили...»⁵.

Этот опыт, конечно, уже не относится к первой детской встрече, произошедшей ещё в ангельском возрасте, и в то же время показывает святого старца настоящим педагогом-воспитателем юношества, способным найти подход не только к младенцу и взрослому, но и к подростку самого трудного этапа становления личности.

Когда Шмелёву было пять-шесть лет, преподобный Варнава, ещё не видя его, передал матери мальчика благословение и крестик. Шмелёв сообщает об этом:

«Это показалось знаменательным: раза три повторил, словно втолковывал, “чтобы запомнила”, говорила матушка: “А моему... крестик,

4 Любомудров А. М. Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелёва. С. 367.

5 Шмелёв И. С. История любовная. Романы. Москва, 1995. С. 170.

крестик!» ... «Тяжёлая тебе жизнь будет, к Богу прибегай!» — не раз говорила матушка. И мне делалось грустно и даже страшно. Сбылось ли это? Сбылось»⁶.

Через два-три года Шмелёв уже сам с плотником Горкиным ходил на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру, и снова получил от старца Варнавы благословение и крестик. Как отмечает А. М. Любомудров,

«старец прозревал не только предстоящие Шмелёву страдания (действительно глубочайшие). Он провидел и, возможно, укрепил в Шмелёве писательский талант. Произошло это в... последнюю встречу с ним»⁷.

В 1895 г., ещё не помышлявший всерьёз о писательстве Шмелёв-студент, совершая свадебное путешествие на остров Валаам, заехал вместе с молодой супругой Ольгой благословиться к старцу Варнаве. Шмелёв к этому времени уже утратил детскую чистоту веры, он признаётся, что заехал только «по обычаю» и что ему было даже «стыдно», что в то время он был далёк от Церкви: «От Церкви я уже шатнулся, был если не безбожник, то никакой»⁸. Ожидая выхода старца из кельи, он испытывал неопределённый страх: «Вдруг скажет что-нибудь такое... “испортит настроение”!»⁹ По замечанию Антона Владимировича Карташёва, именно это «интеллигентское позитивистическое мировоззрение, которое он [Шмелев. — Д. М.] предпочел в России всему другому за кажущуюся трезвость и здравомыслие»¹⁰ и было типичным мировоззрением интеллигента-позитивиста конца XIX в. И именно так оно проявлялось при встрече с живой святостью.

Однако, подходя под благословение, Шмелёв ощутил робость, удивление, возможно, и радость, стал «как будто прежний, маленький...»¹¹. Всмотревшись в юношу, старец положил руку ему на голову и раздумчиво произнёс: «Превознесёшься своим талантом». Слова эти стали не только пророчеством о писательском даре, но и благословением,

6 Шмелёв И. С. Очерк «У старца Варнавы» // *Он же. Собрание сочинений*. Т. 6. С. 281.

7 Любомудров А. М. Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелёва // *Христианство и русская литература*. Т. 1. С. 369.

8 Шмелёв И. С. Очерк «У старца Варнавы» // *Он же. Собрание сочинений*. Т. 6. С. 282.

9 Там же. С. 283.

10 Карташёв А. В. Религиозный путь И. С. Шмелёва // *Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва*. München, 1956. С. 71; Макаров Д. В. Народный духовник пещер Гефсиманского скита: образ преподобного Варнавы Гефсиманского в прозе И. С. Шмелёва // *БВ*. 2020. № 2 (37). С. 333.

11 Шмелёв И. С. Очерк «У старца Варнавы» // *Он же. Собрание сочинений*. Т. 6. С. 283.

и указанием всего пути жизненного, как потом оценил их сам Иван Сергеевич¹².

Таким образом, ещё не зная ничего о будущем, Шмелёв получает в монастыре пророчество о своём великом литературном таланте. В 1897 г. он выпускает первую книгу «На скалах Валаама», которая, кстати, посвящена этому монастырю. В ней рассказывается о необычном свадебном путешествии Ивана и Ольги Шмелёвых — на Валаам:

«...в свадебном путешествии меня потянуло... к монастырям! Потянуло в детство. Вспомнилась Троица, как... пешком, бывало... с Горкиным к Троице ходили»¹³.

Несмотря на то, что книга потерпела неудачу: была остановлена цензурой, урезана и изъята из продажи — всё же своё писательское призвание автор осознал. Заканчивая очерк о старце, Шмелёв писал:

«И написалась книга, путь открылся. Батюшка Варнава благословил “на путь”. Дал крестик и благословил. Крестик — и страдания, и радость. Так и верю»¹⁴.

Это была последняя встреча писателя со старцем. Несмотря на это, Шмелёв всю жизнь хранил её в памяти. И во время написания повести «Богомолье» (1931 г.), когда старец Варнава ещё не был прославлен Церковью в лике святых, Иван Сергеевич, как и весь православный народ, чувствовал его святость и ощущал духовную связь с ним. Это было не просто субъективное ощущение, а действительно глубокая жизненная связь, проявившаяся даже в обстоятельствах кончины писателя, но об этом будет сказано несколько позже.

Примечательно, что и первая¹⁵, и последняя¹⁶ книги писателя — о монастыре. Первая — о Валааме, последняя — об Оптиной пустыни.

Вот что сам писал Шмелёв о монастырской теме во время работы над романом «Пути небесные»:

«Да, и в хозяйстве есть красота... ах, когда рубят капусту! снимают яблоки! мочат антоновку! когда хлеб пекут! когда веют! — всё, всё

12 Больше Шмелёв не встречался со старцем, но всю жизнь считал его своим духовным покровителем. И это было действительно так, вплоть до самой смерти писателя.

13 Шмелёв И. С. Очерк «У старца Варнавы» // *Он же*. Собрание сочинений. Т. 6. С. 282.

14 Там же. С. 284.

15 «На скалах Валаама» (1895 г.).

16 Незаконченный третий том романа «Пути небесные» (1935–1947 гг.).

дал бы во 2 ч. "Путей". — Оля, снова возобновляются монастыри т а м! [подчёркнуто Шмелёвым. — Д. М.] Какой это свет!»¹⁷

Здесь речь идёт о том, что в «Путях небесных» Шмелёв снова, как прежде в «Богомолье», обращается к описанию монастырского бытия, сущность которого он определяет через образ света.

Вот что пишет о первой книге Ивана Сергеевича биограф писателя:

«Первая книга Шмелёва — путевые очерки "На скалах Валаама", написанные по впечатлениям от паломничества. Шмелёв описал свою радость от увиденного в обители; он писал о духовной силе монахов, об их расположенности к труду — монах работает для Бога. А ещё хорошо то, что в монастыре человеческое не затирается и среди монахов унылых нет»¹⁸.

После неудачи с публикацией этой книги¹⁹ Шмелёв надолго замолчал. Возвращается к серьёзному писательству он только в 1905 г. Возрождение писательского таланта произошло через десять лет после неудачи с первой книгой: тогда был написан рассказ «К Солнцу», рассказ о журавле, отставшем от улетающей стаи. При этом, как отметил писатель в «Автобиографии», вдохновение пришло к нему, когда он, бродя по лесу, увидел улетающих журавлей и они напомнили ему тех журавлей, которых он видел десять лет назад на Валааме. Это воспоминание о давней поездке в Валаамский монастырь и связанные с ним чувства стали катализатором его нового рассказа. Заглавие «К Солнцу» в контексте христианской традиции можно понять, как «Ко Христу». Полёт журавлей — стремление человеческой души к Богу. Отставший журавль — сам Шмелёв, вынужденный тянуть лямку чиновничьей службы, отошедший от жизни духовной и литературной. Таким образом, и возрождение писательского дара связано у Шмелёва с воспоминанием монастыря:

«Помню, в конце августа, в тяжкие дни сомнений и блужданий, чуть не отчаяния, пошёл я за реку Клязьму — уйти от себя, забыть-ся. За Клязьмой, за луговой поймой, тянулись леса, леса. На пригорках, по ельнику, уже появились рыжики. Я зашёл в глушь, в чепыжник — ушёл из мира. Вспомнился Валаам, святая его пустыня. Такие же ели мшистые, такая же тишина глухая. С той поры десять

17 И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. Т. 2 / подг. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. Москва, 2004. С. 91.

18 Солнцева Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: Жизнеописание. Москва, 2007. С. 21.

19 Там же. С. 29–35.

лет откатилось, был я тогда студентом — как же это давно было! Тогда казалось, что всё впереди, что жизнь только вот начинается. И вот ничего уже впереди, лямка одна чиновничья, в командировку завтра. Так до конца и будет. Помню, лежал на пригорке, думал в тоске давящей, искал “пути”. И вдруг: как в лесах на Валааме... далёкий-далёкий звон, особенный звон, с подтреском, будто на деревянных струнках перебирает кто-то... ближе, громчей, слышней. Накатывало стукотливым звоном. Вспомнилось — журавли?! С той валаамской «встречи» — как раз десять лет минуло! — больше я не слышал такого звона, звонкого гомона тревоги, радостно-будоражной спешки. Всё во мне взбило и перепутало криком этим. Я глядел в небо за ёлками, ждал тревожно, с волнением и болью.

И вот как тогда — они. Тот же косяк, углом, с неровными краями, тот же... как там, на Валааме, когда вся жизнь была ещё впереди — самое радостное и светлое, — не было сомнений, ни томлений, ни тревожных вопросов — куда определиться, чего искать. Звонкий сверкающий косяк птиц, хорошо знающих свою дорогу, влекущий, радостно-будоражный и торжествующий. Всё позабыв, мыслью я уносился с ними в голубизну. Затихли крики, угасло последнее сверканье — потонуло за ёлками. А я всё провожал его, всё следил: во что-то смотрел, не видя, — только голубизна, влекущая. Не думая, не сознав, нашёл. Эти две «встречи» слились в одно. С того и началось писательство.

В тот же вечер написал я первый, после десятилетнего ожидания, рассказ, детский рассказ — “К солнцу”. Послал в “Детское чтение”. Его напечатали охотно и просили прислать ещё. Забыв службу, я писал радостно и легко, не видя, “в голубизне”. Жил и не жил, не сознавая. Не задавал вопроса — куда идти? Скоро почувствовал я силу сказать жене: “Кажется, я нашёл, что надо... надо бросить службу”. Она сказала спокойно, твёрдо: “Я на всё готова, лишь бы тебе было хорошо”. Не зная, что ожидает нас, она с верою приняла открывшийся неизвестный путь, трудный путь. И ободряла меня на нём всю жизнь.

Думал ли я тогда, у лесной часовни, что всё это как-то отзовется в жизни, как-то в неё вольётся и определится? И вот определилось. Связал меня Валаам с собой. Вспоминается слово, сказанное нам схимником о. Сысоем в скиту Коневском, неосознанное тогда, теперь для меня раскрывшееся: “Дай вам Господь получить то, за чем

приехали”. Тогда подумалось: а за чем мы приехали? Так приехали, ни за чем... проехаться. И вот определилось, что за чем-то, что было надо, что стало целью и содержанием всей жизни, что поглотило, закрыло жизнь — нашу жизнь»²⁰.

Кроме святого старца Варнавы, в детские и юношеские годы Шмелёв неоднократно видел будущего преподобного иеросхимонаха Зосимовой пустыни Алексия (Соловьёва), известного своей ролью в избрании Святейшего Патриарха Тихона в 1917 г. В годы учёбы Шмелёва в гимназии о. Алексей, будучи диаконом церкви Николы в Толмачах, приходил в гимназию служить панихиды и молебны и хорошо запомнился Шмелёву. Вспоминая эти службы с участием о. Алексия в очерке «Старый Валаам», Шмелёв ставит его в ряд со старцами Варнавой Гефсиманским, Амвросием и Макарием Оптинскими²¹:

«Думалось ли тогда — *что будет?*! Думал ли я, что о. диакон от Толмачей... станет иеромонахом, примет схиму, примет великий подвиг русского *старчества*, как о. Варнава у Троицы, как старец Амвросий Оптинский, как старец Макарий Оптинский...»²².

После революции 1917 г. и особенно крымского красного террора (красной резни) 1920–1921 гг., когда был без суда и следствия расстрелян сын писателя Сергей, Иван Сергеевич в течение долгих лет находился в состоянии глубочайшего уныния — «тяжелейшей душевной депрессии»²³ и не мог найти ответа на вопрос, как могло в мире разлиться столько зла. Борис Константинович Зайцев, с которым Шмелёв встретился в Берлине сразу после отъезда из советской России, охарактеризовал его состояние как «внутреннюю убитость»:

«Помню, поразил он меня своим видом. Чёрные очки, бледность, худоба, некая внутренняя убитость — всё понятно, всё понятно, кончено...»²⁴.

Не случайно поэтому в романе-эпопее «Солнце мёртвых» (1923 г.), над которым трудился писатель в первые годы эмиграции, пунктирной линией проходит мотив опустевшего неба:

20 Шмелёв И. С. Собрание сочинений. Т. 2. С. 411.

21 Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. Санкт-Петербург, 2003. С. 137.

22 Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика. Москва, 1998. С. 356.

23 Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. С. 122.

24 Зайцев Б. К. О Шмелёве // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 6. Москва, 1999. С. 366.

«У меня нет теперь храма. Бога у меня нет: синее небо пусто»²⁵.

От уныния спасает Шмелёва только литературная работа, но не простая, а над книгой о путешествии, точнее паломничестве в монастырь — Троице-Сергиеву Лавру («Богомолье», 1931 г.). Не имея возможности совершить действительное поклонение, Шмелёв отправляется в паломничество памяти. И это мысленное обращение к монастырю спасает его. Уже много позже писатель сам признался в этом: «Работа над “Богомольем” спасла меня от пропасти, удержала в жизни»²⁶. Цитируемая фраза — из письма И. С. Шмелёва от 24 мая 1949 г. архимандриту Леонтию (Бартошевичу), который являлся с 1946 г. благочинным приходов в Швейцарии, а 24 сентября 1950 г. был хиротонисан в епископа Женевского, викария Западно-Европейской епархии Русской Зарубежной Церкви. С ним Шмелёв познакомился в Женеве, ориентировочно в конце 1947 — начале 1948 г., а в первый день Рождества 1948 г. он после литургии обедал у отца Леонтия. Вероятно, писатель пользовался его библиотекой и по его протекции переселился из достаточно дорогого пансиона к местному инженеру Г. О. Ришу. Об этом пишет племянница И. С. Шмелёва Юлия Александровна Кутырина²⁷.

Примерно в это же время усиленной духовной борьбы по преодолению уныния у Шмелёва появляется мысль о монашестве. Так, в 1929 г. в письме к генералу Деникину он сообщает о своём желании уйти в монастырь:

«Я весь в разбитости. Пера в руки не беру. Ибо так утомлена душа, что трудно держать себя в порядке... Будь один... ушёл бы, кажется, в монастырь. Серьёзно! Всё больше и больше претит суетность жизни, мир»²⁸.

В первой половине 1930-х гг. духовное преображение Шмелёва продолжалось, и во многом именно под влиянием монашества (причём не только Воинствующей, но и Торжествующей Церкви).

25 Шмелёв И. С. Собрание сочинений. Т. 1: Солнце мертвых: Повести. Рассказы. Эпопея. Москва, 1998. С. 468.

26 Цит. по: Любомудров А. М. Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелёва // Христианство и русская литература. Т. 1. С. 374.

27 См.: Кутырина Ю. А. Иван Сергеевич Шмелёв // Шмелёв И. С. Солдаты. Париж, 1962. С. 254. А также см.: Солнцева Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: Жизнеописание. Москва, 2007. С. 456–457.

28 Деникина К. Иван Сергеевич Шмелёв // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва. München, 1956. С. 26.

К представителям Воинствующей Церкви, оказавшим влияние на писателя, можно отнести архимандрита Савву (Струве) — сына Петра Бернгардовича Струве и духовника мирян в монастыре Иова Почаевского в Прикарпатской Руси. Отец Савва не только состоял в переписке со Шмелёвым, но и неоднократно с ним встречался. В частности, в марте 1933 г. он привозил домой Шмелёвым «кивотик из дерева»²⁹ с мощами Целителя Пантелеимона, у которых вместе с Иваном Сергеевичем и женой писателя Ольгой Шмелёвой отслужил молебен.

Ольга Сорокина — автор биографической книги о Шмелёве предполагает:

«Визит о. Саввы, несомненно, побудил Шмелёва пойти на первую за три года пасхальную всенощную... Он испытал подлинную духовную радость от исповеди и причащения... Он ощутил близость к Богу, лёгкость и мир в душе»³⁰.

На третий день Пасхи (18 апреля 1933 г.) Шмелёв написал Ивану Ильину:

«В десять добрались до Серг. Подворья. Святая тишина обвееяла душу. Боли ушли. И вот, стала наплывать-нарождаться... радость! Стойко, не чувствуя ни слабости, ни болей, в необычайной радости слушал Заутреню, исповедовались, обедню всю выстояли, приобщились... — и такой чудесный внутренний свет засиял, такой покой, такую близость к несказанному, Божиему, почувствовал я, что не помню — когда так чувствовал! Как бы прикоснулся к Тайне: нет смерти, всё отшедшее — есть, здесь вот, около... И когда я так чувствовал, вглядываясь сквозь слезы в над-иконостас, ввысь... — это было между Заутреней и обедней... — странное случилось! Я думал о нашем мальчике, отшедшем, о Серёжечке нашем... — в душевной тишости думал — нет смерти, здесь, с нами он... и всё с нами и нет ни “было”, ни “будет”, а — есть, вечно есть... И вот, сидевший от меня шагах в трёх у стены Карташёв почему-то поднялся и, подойдя ко мне, шепчет: “Да ведь это же какая победа сегодня празднуется!.. надо только внять..! ведь нет смерти... все умершие — живы... и нет ни живых, ни мёртвых... а всё, всё — одно... вечное!... отбитое у смерти, у ада! великим чудом Воскресения Христа!..” Я лишь смысл передаю. Но так это слилось с моим, так подтвердило моё интимное, что осияло меня! Я же с ним не говорил об этом, и он не мог знать, о чём я думал... — он лишь

29 Письмо И. А. Ильину от 20 марта 1933 года // Переписка двух Иванов. Т. 1 (1927–1934). Москва, 2000. С. 374.

30 *Sorokin O. Moscoviana: The Life and Art of Ivan Shmelyov. Oakland (Ca.), 1987. P. 192–193.*

сбоку сидел, не видал моих глаз, лица... Передалось! Ибо это — истина. Вот какую радость нашёл я, переборов слабость, искушение Злого, что удерживало меня — не ходи, трудно, не одолеешь. Пошёл, — и кончились боли, и приобщился, и такой радости, такого Светлого Праздника давно не переживал, пожалуй что, никогда ещё не переживал! Бодрые, пошли мы в половине четвёртого разговляться к Карташёвым, полчаса пешком шли, а в шесть утра сели в первое метро, к восьми были в солнечном саду нашем, в Севре, три часика соснули и весь день были радостны, принимали добрых людей. Такой Пасхи не упомню. Правда, и погода же... какое солнце! И сейчас спокоен, и болей почти не ощущаю, и вернулся аппетит, а то три недели не мог смотреть на еду. Нет, да разве без церкви можно! Мечтаю — дожить бы до Великого Поста, и все, все службы стоять и — жить Господом!»³¹

В эту пасхальную ночь произошло важнейшее в духовной жизни Ивана Сергеевича событие — многолетние страдания (и телесные боли, и душевное уныние) преобразились в пасхальную радость приобщения к жизни вечной.

Другое важнейшее событие в жизни писателя связано уже с чудесным вмешательством в его жизнь Церкви Торжествующей в лице святого преподобного Серафима Саровского. Это произошло в мае 1934 г. По молитве к преподобному Серафиму Шмелёв получил исцеление язвы. Иван Сергеевич подробно описал это чудо в очерке «Милость преподобного Серафима» (1934 г.)³².

Болезнь преследовала писателя ещё с 1909 г. Но особенно тяжело ему стало после 1928 г. Он всё больше худел, и к маю 1934 г. весил всего сорок пять килограммов. Когда боли стали невозможными, Шмелёв мысленно взмолился, даже как бы в отчаянии, преподобному Серафиму:

«Ты, Святой, Преподобный Серафим... можешь!.. верую, что Ты можешь!..»³³

И после этого боли прекратились, он заснул и увидел во сне на своих рентгеновских снимках надпись: «Св. Серафим» — вместо «Jean Chmeleff». Проснувшись, Иван Сергеевич ощутил незримое присутствие святого рядом с собой:

31 Письмо И. А. Ильину от 18 апреля 1933 года // Переписка двух Иванов. Т. 1. Москва, 2000. С. 379–380.

32 Шмелёв И. С. Милость преподобного Серафима // Шмелёв И. С. Собрание сочинений. Т. 2. С. 337–344.

33 Там же. Т. 2. С. 341.

«Мне стало легче, душевно легче. Я почувствовал, что Он, Святой, здесь, с нами... Это я так ясно почувствовал, будто Он был действительно тут. Никогда в жизни я так не чувствовал присутствие уже отшедших... Я как бы уже знал, что теперь, что бы ни случилось, всё будет хорошо, всё будет так, как нужно... Такое чувство, как будто я знаю, что обо мне печётся Могущественный, для Которого нет известных нами земных законов жизни: всё теперь может быть! Всё... — до чудесного»³⁴.

И действительно, произошло чудо: боли больше не возвратились, врач отменил операцию. У Ивана Сергеевича снова появился аппетит, он пошёл на поправку. На повторных снимках язвы не обнаружили. Шмелёв воспринял происшедшее с благодарностью и смирением. Вот так он оценил случившееся:

«По ощущениям своим я знаю: радостное со мной случилось. Если не говорю “чудо со мной случилось”, так потому, что не считаю себя достойным чуда. Но внутренне-то, в глубине, я знаю, что чудо: Благодарятю Господней, Преподобного Серафима Милостью»³⁵.

Шмелёв 4 июня 1934 г. написал об этом Ильину:

«Видел во сне, ещё до отправки в америк. госп., где пролежал 5 суток, что на рентгенов целлул. снимках вм. Jean Chmeleff pour Dr. Brulé — начертано тем же цветом (бел), тонкими теми же линиями, но по-русски: Св. Серафим... Проснувшись, подумал: “Я под кровом Его...”»³⁶.

А ещё через восемь лет 3 июня 1942 г. Иван Сергеевич вспоминал об этом в письме к О. А. Бредиус-Субботиной:

«Я уже у х о д и л... — и смотри: помилован, молитвами, чудом прп. Серафима...»³⁷.

Ещё во время болезни Шмелёвы получили приглашение от монахов из Прикарпатской Руси погостить у них. Также вместе с женой Ольгой они планировали поездку в Псково-Печерский монастырь, но при её жизни поездка не состоялась. Только после смерти жены летом 1936 года во время поездки по Прибалтике писатель исполняет задуманное и посещает Псково-Печерский монастырь, находя там утешение

34 Шмелёв И. С. Милость преподобного Серафима // Шмелёв И. С. Собрание сочинений. Т. 2. С. 341.

35 Там же. С. 345.

36 Письмо И. А. Ильину от 18 апреля 1933 года // Переписка двух Иванов. Т. 1. Москва, 2000. С. 460.

37 И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. С. 271.

и успокоение, «впитывает впечатления всем своим существом, вдыхая их как воздух»³⁸. А летом 1937 г. он едет в монастырь Иова Почаевского в Прикарпатье и живёт там три недели:

«Когда-то, после второго удара в сердце, после смерти Оли... — я ждал конца. Я всё разметал и кинулся в монастырь на Карпатской Руси, — около него окончить дни, когда меня, в июле 37 г. вернули к жизни после тяжёлой болезни»³⁹.

Вероятно, Шмелёв ехал в монастырь и с целью испытать себя: способен ли он к монашеству, ибо, после смерти жены его уже ничто не держало в мире.

Тогда в 1937 г. в Прикарпатье Шмелёв воспринял как подвиг жизнь монашеского братства монастыря Иова Почаевского. Как отмечает исследователь биографии писателя,

«ему, писавшему о Валааме, были чрезвычайно интересны монашеские судьбы. Там был монах Иов, в прошлом кавалерист, офицер лейб-гвардии, он принял послушание обойти русское зарубежье и поведать православным о подвижнической деятельности обители. Там был смиренный отец Савва, был тридцатилетний Григорий — инок и искатель, он приносил в келью гостя трапезу. Шмелёв подарил обители свой “Старый Валаам”, проводил время в беседах с иноками, читал им свои произведения, писал очерки для газеты обители. За время его пребывания там было достаточно много разъездов, он подсчитал — до тысячи километров на автомобилях. Ездил и в Карпатскую Русь, к Румынии — в женскую обитель»⁴⁰.

Во время поездки в монастырь Святого Иова Почаевского Иван Сергеевич познакомился с настоятелем монастыря — архимандритом⁴¹ Серафимом (Ивановым), издателем газеты «Православная Русь», который потом очень высоко оценил творчество и талант Шмелёва.

Однако, как вспоминает друг писателя, историк А. В. Карташёв,

«скучно, одиноко там [в монастыре. — Д. М.] было Ив. Сергеевичу. Он себя проверил: в монастыре ему не место. А вот “около монастыря” — другое дело. Когда потянет, пошёл, поговел, помолился,

38 *Sorokin O. Moscoviana: The Life and Art of Ivan Shmelyov. P. 215.*

39 *Шмелёв И. С. Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Известные редакции произведений. Т. 3 (дополнительный). Ч. 1 / предисл., подг. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. Москва, 2005. С. 227.*

40 *Солнцева Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: Жизнеописание. Москва, 2007. С. 337.*

41 Впоследствии епископом (1946 г.) и архиепископом (1959 г.).

а потом опять — в своё гнездо. Гвоздём засела у него в голове эта полудетская мечта»⁴².

Эта мечта, видимо, находилась в подсознании Шмелёва уже очень давно. Ещё в повести «Росстани» (1913 г.) главный герой имеет точно такое желание — жить в деревне, недалеко от монастыря; об этом говорилось выше.

Причём эта тяга к монастырю не прошла и через много лет после смерти жены. Сам Шмелёв, подобно герою своей ранней повести, в последние годы часто говорил о том, что хочет жить возле монастыря. Например, 29 июля 1947 г. пишет:

«Я не живу — изживаюсь. Лучше бы не было этих 11 лет без неё! — а вместе бы... Но как душа просит — тишины, обители! не “эстетика” тут... а так бы хотел, перед концом — быть в “годов круге” богослужения правосл.! Всё прочувствовать... и — прильнуть!... — у притвора бы... — в “оглашенных”. Не даст Господь?.. Ну, смирюсь... — видит всё, скажет — “ну, не нищий духом... приди и ты...” А я недостоин “прийти”. Да, это уж последняя, м. б. больная, тяга “на богомолье”... Но она есть, зовёт»⁴³.

Он написал 8 августа 1947 г.:

«Мечтается — жить не в обители, а лишь рядом»⁴⁴.

Или в следующем году 2 марта 1948 г.:

«Вот и рвусь — к Обители — как бы куда-то вне всего. Там осмотрюсь, проверюсь... и найду, м. б., силы — предать себя смиренно в руки Божьи... — Господи, упокой! Забыться в труде и молитве»⁴⁵.

И ещё 13 августа 1948 г.:

«Мне важно для моей работы быть вблизи Обители»⁴⁶.

Жить вблизи обители ему хотелось из-за духовной пользы и потому, что атмосфера монастыря напоминала писателю утраченную

42 Карташёв А. В. Религиозный путь И. С. Шмелёва // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва. München, 1956. С. 65–77.

43 Письмо И. А. Ильину от 29 июля 1947 года // Переписка двух Иванов. Т. 3 (1947–1950). Москва, 2000. С. 160.

44 И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 2. С. 644.

45 Письмо И. А. Ильину от 2 марта 1948 года // Переписка двух Иванов. Т. 3 (1947–1950). Москва, 2000. С. 277.

46 И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 2. С. 667.

Родину, питала его национальный талант. Православный монастырь был единственным островком прежней России за рубежом, находясь вблизи которого Шмелёв мог бы продолжать литературную работу. Именно так писатель объяснял необходимость получения американской визы:

«Почему настоятельно прошу прочной визы: и трудные бытовые условия во Франции — ни молока, ни хлеба..! — но, главное, нет спокойных условий для завершения литературной работы. Нужен, мол, православный монастырь, а в Европе его не найти. Соединённые Штаты Америки — единственное место благоприятное. Но ты сумеешь сжато дать понять и мой ранг писателя, и дух моего творчества: о России, о её духовной сущности, о русском народе. Ведь всё моё — о национальном нашем»⁴⁷.

Проект переезда в Америку возник в связи с тем, что в 1946 г. епископ Серафим (Иванов) вместе с братией бывшего монастыря Святого Иова Почаевского в Ладомировой (того самого, который посещал в 1937 г. Шмелёв) переехали в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (США). К сожалению, этот проект не осуществился в связи с тем, что Соединённые Штаты отказали Шмелёву в визе.

Также и в письмах Ксении Деникиной, которые он писал начиная с 1948 г., Шмелёв сообщает о личных духовных исканиях и опять о желании поселиться у монастыря. Писателя поражает, что всё устраивается как бы само собой, он видит и над собой осуществляющийся Промысл Божий:

«Я до сей поры Бога ищу и своей работой, и сердцем (рассудком нельзя!) <...> Мой отъезд — тоже искание. Я ищу родной воздух, пусть хоть марево родного. Жить вблизи обители... там как бы наше: места глухие, воздух, уклад, песнопения... Если доведётся, расскажу, и вы увидите, как всё идёт без моих усилий, как бы промыслительно до изумления»⁴⁸.

Заветной мечте Шмелёва дано было осуществиться только в самый последний день его жизни. После тяжёлой операции на сердце 24 июня 1950 г. Шмелёва привозят на автомобиле в православный монастырь Покрова Пресвятой Богородицы под Парижем (в местечке Бюсси-ан-Отт), где ему удалось договориться о пансионе. В тот же день вечером он скончался от сердечного приступа.

47 И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 2. С. 671.

48 Деникина К. Иван Сергеевич Шмелёв // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва. С. 27–28.

Как отмечают очевидцы, этот последний день был необычным. Шмелёв был в особенном настроении. Он любовался природой и всё время говорил о том, как он благодарит за всё Бога и как чудесно сотворён мир! Монахиня Феодосия, на глазах у которой умер Шмелёв, вспоминает:

«Иван Сергеевич был полон самых радужных надежд; мечтал о том, как будет работать; хотел возможно скорее поговорить <...> Он много раз крестился <...> он благодарил Господа Бога за всё то чудесное, что было вокруг него и в нём самом. И когда он был полон этой благодарности к Богу, тогда Последний закрыл ему глаза. Послал ему вечный покой»⁴⁹.

В этом светлом состоянии души он и отошёл в вечность, к своему Творцу. Примечательно также, что умер Шмелёв в день ангела своего старца — отца Варнавы⁵⁰.

Следует также отметить, что Шмелёв находился в переписке с архиепископом⁵¹ Анастасием (Грибановским). В частности, 26 августа 1932 г. Шмелёв писал Ивану Ильину:

«Получил письмецо от арх. Анастасия. Не находит слов, говоря о Вас. Он — умница, тонкий пастырь, культурный. Понимает»⁵².

После переезда в Мюнхен митрополит Анастасий приглашал переехать туда и Шмелёва, особенно в феврале 1948 г., когда Шмелёв стал испытывать серьёзные трудности в Париже, а впоследствии старался помочь писателю с получением американской визы.

Шмелёв был также знаком с видным деятелем и иерархом Русской Зарубежной Церкви иеромонахом⁵³ Мефодием (Кульманом)⁵⁴. Именно он исповедовал и причастил Ивана Сергеевича 23 ноября 1949 г. перед тяжёлой операцией на желудке, которая прошла тогда успешно.

49 *Зеелер В.* Последний день Шмелёва // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва. München, 1956. С. 10–11.

50 24 июня 1950 г. в день памяти ап. Варнавы.

51 С ноября 1935 г. — митрополитом.

52 Письмо И. А. Ильину от 26 августа 1932 года // Переписка двух Иванов. Т. 1 (1927–1934). Москва, 2000. С. 311.

53 Впоследствии, 17 июня 1953 г., ставшим епископом Кампанским.

54 См. о нем подробнее: *Зубова М. В.* Мефодий (Кульман) // ПЭ. 2017. Т. 45. С. 122–123. А также: *Пименов Ю. Г., прот.* Паломнические поездки епископа Мефодия (Кульмана) как способ объединения русской эмиграции // ХЧ. 2021. № 2. С. 279–287; *Пименов Г., прот.* Развитие приходского приюта в Аньере при настоятельстве епископа Мефодия (Кульмана), 1935–1972 гг. // ХЧ. 2020. № 2. С. 10–19.

Необходимо ещё отметить, что и посмертная судьба останков писателя тоже оказалась связана с монастырём. 30 мая 2000 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II совершил перезахоронение праха Ивана Сергеевича Шмелёва и его супруги Ольги Александровны на кладбище Донского монастыря, куда перевезли прах скончавшегося 50 лет назад во Франции и похороненного на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа писателя, согласно его завещанию.

Таким образом, православный монастырь в жизни Шмелёва занимал важнейшее место, а общение с монашествующими вообще трудно переоценить. В детстве и юности Шмелёв посещал святые обители, и это, во многом, определило его жизненные ценности и взгляды. Чрезвычайно важен тот факт, что вся жизнь писателя, особенно наиболее значимые моменты (женитьба, выбор жизненного пути, смерть и перезахоронение) непосредственно были связаны с монастырём. Таким образом, неслучайно монастырские мотивы пронизывают практически все его значительные произведения, а образы монахов-подвижников стоят на самой вершине его художественно-поэтического Фавора.

2. Роль монастыря в творчестве писателя

Надо отметить, что монастырские мотивы буквально принижают всё творчество Шмелёва. Монастырь в художественном мире писателя — источник духовно-нравственного света и благодатного освящения мира. Так, в повести «Богомолье», очерке «Старый Валаам» монастырь является центром художественного пространства, к которому направляются пути и устремления героев, по отношению к монастырю оцениваются все действующие лица. А в романе «Пути небесные» монастырь является духовным центром мира, оплотом спасения.

В указанных произведениях монастырь ставит человека перед лицом вечности — смерти и Суда Божьего. Путь духовного восхождения (преображения) героев Шмелёва обязательно проходит через монастырь. В монастыре они получают прощение грехов, указание пути ко спасению, вразумление и необходимые советы. Вся жизнь некоторых его персонажей проходит как бы в свете монастыря, вблизи него.

Вершиной духовного восхождения у Шмелёва также является православный монастырь. Именно здесь встречаются наиболее светоносные образы. По Шмелёву, именно в монастыре человек наиболее приближается к христианскому идеалу. Шествуя по пути чистоты и праведности, герой Шмелёва обязательно устремляется к монастырю. А путь греха,

наоборот, отвращает человека от монастыря, ибо именно монастырь является выражением «самой сути, духа православия»⁵⁵. Глубина и чистота познания православия выражается, прежде всего, отношением к монастырю и монашеству. Известно, что даже православная жизнь мирян мыслится как «монастырь в миру»⁵⁶, то есть ориентированной на монашеские идеалы и ценности.

И, как отмечает А. М. Любомудров, «все искажённые представления о православии, пропитавшие культуру Нового времени, тесно связаны с искажённым восприятием монашества»⁵⁷. С этой точки зрения, значение И. С. Шмелёва в русской культуре XX века практически уникально. Наряду с творившим в это же время Б. К. Зайцевым, а также классиками русской литературы XIX в. — Н. В. Гоголем и Ф. М. Достоевским — он очень многое сделал для создания и раскрытия в своем творчестве образа подлинного православного монастыря и сути монашеской жизни.

Сразу же необходимо уточнить, что для Шмелёва истинным монастырём является только православный монастырь. Эта тема проходит через всё творчество писателя, начиная с первой книги «На скалах Валаама» (1895 г.), посвящённой путешествию в Валаамский монастырь, и до последнего романа «Пути небесные» (1934–1950 гг.), действие третьей (неоконченной) части которого должно было проходить в знаменитой Оптиной пустыни.

Целиком посвящены монастырю такие произведения Шмелёва, как «Богомолье» (1931 г.), «Старый Валаам» (1935 г.). Во многих произведениях в монастыре происходит действие, важное для разрешения основного конфликта (романы «Няня из Москвы», «Пути небесные»), там открывается духовный смысл происходящих событий (незаконченный роман «Солдаты»), там герой получает мудрый совет о дальнейшей жизни и указание о пути личного спасения (повесть «Росстани», роман «Пути небесные»).

Когда основное действие происходит не в монастыре, а, например, в усадьбе зажиточного купца Данилы Степановича («Росстани») или в военном городке, где служит «ротный командир» Бураев («Солдаты»), оно всё равно окрашивается ощущением непосредственной близости монастыря:

55 Любомудров А. М. Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелёва // Христианство и русская литература. Т. 1. С. 364–394.

56 См., например: *Свенцицкий В., прот.* Монастырь в миру. Москва, 1999.

57 Любомудров А. М. Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелёва // Христианство и русская литература. Т. 1. С. 366.

«Не разбирая, Бураев шагал по лужам... С Антоньева монастыря, под горкой, лился перезвон»⁵⁸.

В повести «Росстани» одно из достоинств деревни Ключевая, куда удаляется на покой главный герой, состоит в том, что «и к монастырю близко»⁵⁹. Однако для него и других персонажей главное достоинство Ключевой пока не это, а великолепная природа, тишина и вообще, как сказали бы сейчас, экология:

«Уж очень хороша там вода!»⁶⁰

Герой удаляется в Ключевую от суеты мира:

«Надоело зимой в Москве, а летом в Сокольниках шумно и парадно: то музыка, то народ толчётся»⁶¹.

Но близость монастыря важна для автора. Она говорит о том, что автор пытается решить проблему жизни и смерти героя (который как раз и едет в родную деревню — умирать) не только в духе пантеизма⁶², но и в христианском аспекте. Здесь важен ещё один факт: дорога, по которой можно выехать из Ключевой, была только одна: «всё та же дорога на скит, к монастырю». Такое построение художественного пространства раскрывает взгляд автора на духовный смысл удаления героя в деревню. Ключевая — перевалочный пункт, где герою, удалившемуся от мира (а это первое условие спасения), необходимо найти ключ к спасению своей души. И Данила Степанович находит этот ключ в монастыре, в келии схимонаха Сыся. Ключ этот — милостыня. Старец говорит ему: «Милостыньку твори». Далее путь его — в монастырь. Но это будет уже не земной, а загробный путь. «Милостынька», которую творит герой, становится ключом, открывающим врата Царства Небесного.

Таким образом, у Шмелёва монастырь — только этап на пути человека к Богу.

«Хорониться желал на родине... на монастырском кладбище... под старыми вязами, где жена, бок о бок с собором»⁶³.

То есть не просто в монастыре, а вблизи собора, всё ближе к святости, к Богу.

58 Шмелёв И. С. Солдаты // Москва. 1997. № 3. С. 4–88.

59 Шмелёв И. С. Собрание сочинений. Т. 1. Москва, 1998. С. 158.

60 Там же. Т. 1. С. 157.

61 Там же.

62 Сорокина О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва. Москва, 1994. С. 347.

63 Шмелёв И. С. Собрание сочинений. Т. 1. Москва, 1998. С. 159.

Повесть «Росстани» написана Шмелёвым в 1913 г. Это ещё раннее сочинение, но в нём Шмелёв-художник превзошёл Шмелёва-человека — типичного интеллигента начала XX в. К сознательной религиозности и церковности Шмелёв придёт гораздо позже, в середине 1930-х гг., но уже в этой ранней (и, надо отметить, особенно любимой Шмелёвым) повести намечаются основные пункты движения его героев, выражающие идею духовного восхождения и совпадающие, впрочем, с устремлениями самого писателя: 1) суетный мир, 2) тихая, уютная деревня около монастыря, 3) монастырь.

Именно таков план последнего, оставшегося незаконченным, романа Ивана Сергеевича «Пути небесные» (1934–1950 гг.). Начинается действие в Москве, потом герои перебираются в Уютово, которое находится в непосредственной близости к Оптиной пустыни, где главный герой Виктор Алексеевич Вейденгаммер в итоге принимает монашеский постриг⁶⁴.

Большая часть действия первых двух частей романа происходит не в обители, а в Москве и Уютово. Но монастырь играет важную роль в организации смысловых пластов этих частей. Устремлённость героев к нравственному совершенству, то усиливающаяся, то ослабляющаяся, выражается их вхождением или исхождением из монастыря. В каждой части романа события, происходящие в обители (и отношение героя к монастырю) определяют дальнейшую направленность жизни персонажей на долгое время.

В первой части Даринька уходит в монастырь, потом убегает оттуда к Виктору Алексеевичу (двойной грех: блуд и нарушение обета). Это её грехопадение. Монастырь осознаётся и изображается как рай, а Виктор Алексеевич — как искушитель. Он сам отождествляет своё поведение с действиями лермонтовского демона. Дальнейшая жизнь Дариньки — история её покаяния, истрезвления от прелести греховной. Покаяние приводит её снова в монастырь, к старцу Варнаве Гефсиманскому, и там она уже окончательно подчиняет свою волю воле Божией. После этого начинается её восхождение на Фавор — Уютово и Оптина во второй и третьей (ненаписанной) частях, и далее — на Голгофу (мучительная смерть под поездом — так было в плане Шмелёва).

В очерке «Старый Валаам» (1935 г.) всё действие происходит внутри монастыря. Молодой человек «изучает» монастырь. Эту поездку нельзя назвать паломничеством, потому что и сам он только «шатнувшийся» от церкви молодой интеллигент. Поездка — свадебное путешествие

64 Любомудров А. М. Оптиные источники романа И.С. Шмелёва «Пути небесные» // Русская литература. № 3. Санкт-Петербург, 1993. С. 104–111.

по желанию молодой жены. Герой, таким образом, оказывается в монастыре как бы против своей воли, и то, что он там видит, во многом разрушает его предубеждение против монастырей и монахов и против церкви вообще. В повести монастырь предстаёт как царство добра и справедливости, где зло отступило, где на людей и даже на животных не кричат, где даже лесные «звери смотрят доверчиво, без зла и страха»⁶⁵. Греху и мирскому влиянию поставлен здесь прочный заслон. Герой находит здесь и социальную справедливость, к которой стремится внешний мир, и милосердное отношение ко всем людям, невзирая на уровень их достатка или происхождение.

Надежды героя — типичного молодого человека своей эпохи — сугубо в земной жизни, он ждёт впереди счастья, для него «жизнь чудесна. И всё чудесно. Так и будет — все дни и дни, все завтра, завтра... бесконечно»⁶⁶. Но в монастыре он встречается с совершенно иной жизненной установкой, которая заключается в жизни перед Лицом Божиим, перед неизбежной смертью, перед всегда готовой раскрыться вечностью.

Валаамских монахов, особенно старцев и схимонахов, Шмелёв изображает живущими с постоянной «памятью смертной». Это углублённое всматривание в таинство смерти вызывает у жизнелюбивого героя чувство страха: «Всё только о смерти да о смерти, всё приуговоряются, всю жизнь! И всё кресты там, и могилы... и ночь ещё... вот и показалось страшно»⁶⁷. Монастырь у Шмелёва заставляет человека задуматься о вечном смысле своего существования. Но для монаха мысль о смерти не страшна, наоборот, как говорит один из персонажей очерка отец Антипа, «за могилкой-то и отворится... жизнь вечная, во Христе... духовному-то человеку»⁶⁸. Герой испытывает противоречивые чувства: удивлён, испуган, обрадован. Но всё же из монастыря уносит он ощущение света: «Прощай, Валаам, чудесный, светлый... Валаам, поныне светит... он всё такой же, светлый»⁶⁹.

В повести «Богомолье» (1931 г.) монастырь (Троице-Сергиева Лавра) стоит в центре художественного мира произведения. К нему устремлены все главные действующие лица, и вообще вся Россия: от нищих до царей. Монастырь у Шмелёва не только свят, но и прекрасен. Монах — старец Варнава — стоит у Шмелёва на вершине Фавора, является высшим духовно-нравственным авторитетом своей эпохи.

65 Шмелёв И. С. Собрание сочинений. Т. 2. Москва, 1998. С. 412.

66 Там же. С. 400.

67 Там же. С. 399.

68 Там же. С. 400.

69 Там же. С. 346.

Словами трактирщика Брехунова Шмелёв выражает подлинное простонародное отношение к монашеству:

«... если уж по-настоящему сказать, то лучше богомольной жизни ничего нет»⁷⁰.

Примечательно, что говорит это не монах, даже не праведник, а явный грешник — трактирщик, который отнюдь не от смирения говорит:

«Грешим, понятно, много»⁷¹.

Монастырь и богомолье противопоставляются мирской жизни:

«И как всё благочестиво да хорошо, смотреть приятно, — говорит Горкин радостно. — А по дороге и ещё лучше будет. А уж в Лавре... и говорить нечего. Из Москвы, как из ада, вырвались»⁷².

В данной повести образ монастыря играет ключевую роль. К нему устремлены все чаяния героев. Даже те, кто не собирается принимать постриг, чувствуют, что их жизнь зависит от монастыря, от того, что произойдёт там между ними и Богом. Лавра является центром художественного пространства повести, солнцем, вокруг которого вращаются и сюжет, и судьбы действующих лиц. Это тяготение испытывают в разной степени все герои, но более всех, пожалуй, мальчик Ваня:

«Тянет меня под тихие огоньки лампад, к Святому»⁷³.

Все герои повести получают оценку соответственно своему отношению к монастырю. Так, «охальники», «плохие люди», любители выпить, которые встречаются богомольцам на пути и насмеваются над душой, святой водой, над нищими и больными, чающими получить исцеление от Бога в святой обители, изгоняются вон: сначала Горкиным (словами), затем Федей (искупал их в реке и чуть не утопил) и подводчиками (отстегали кнутьями). Таким личностям нет места в обществе людей; появившись, как мрачная тень, они выбрасываются автором за грань внимания, им не находится места в монастыре — центре художественного пространства Шмелёва. Тем самым автор показывает, что они отпали от мирового центра и от пути жизни вообще.

70 Шмелёв И. С. Собрание сочинений. Т. 2. Москва, 1998. С. 423.

71 Там же. С. 422.

72 Там же. С. 421.

73 Там же. С. 499.

Монастырь — источник света и святости. Он — «свет миру»⁷⁴, маяк, путеводная звезда, указующая путь богомольцам не только во время богомолья, но и во всей жизни, подобно Вифлеемской звезде, указавшей пастухам путь ко Христу. Светлы и светят миру у Шмелёва все монастыри: и Валаам, и Афон:

«Как и св. Афон, Валаам поныне светит. Афон — на юге, Валаам — на севере. В сумеречное наше время, в надвинувшуюся “ночь мира” нужны маяки»⁷⁵.

Именно в монастыре герой может получить вразумление свыше, обличение своего греха, указание дальнейшего пути жизни. Даже если герой не отличается ни религиозностью, ни праведностью, живёт сугубо земными интересами, как, например, Бураев, герой романа «Солдаты». Однажды, в момент особого душевного напряжения, после того как убеждается в неверности своей сожительницы, он, сам не понимая как, оказывается в монастыре, где ему указывается свыше, что всё предыдущее было грехом:

«В низенькой церкви шла ранняя обедня. Одиночные тёмные фигуры стояли по простенкам. Когда Бураев вошёл, иеродиакон читал Евангелие. И первое, что услышал Бураев, давно не бывавший в церкви, были слова Христа: “Встань, возьми одр твой и ходи”. И дальше, в самом конце, услышал: “Не грехи больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже”. Слушал он с удивлением — и отнёс к себе.

“Возьми одр твой и ходи”... “Не грехи больше, чтобы не случилось чего хуже!”

Его умилило это. Показалось, что не случайно вышло, что неожиданно попал сюда. Что это, знамение?»⁷⁶ Тем более что и монастырскую гостиницу использовал он, пользуясь простодушием монахов, для греха: «Приостановился перед гостиницей, подумал — не зайти ли: хотелось чаю. Чудилось опять “знамение”: приезжали сюда с Люси, и вот привело теперь, словно нарочно — ткнуло. Что это грех то было, и должен сознать его? Потому-то и привело?»⁷⁷

74 Шмелёв И. С. Собрание сочинений. Т. 2. Москва, 1998. С. 346.

75 Там же.

76 Шмелёв И. С. Солдаты // Он же. Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). Москва, 1998. С. 340.

77 Там же.

Но данный герой не откликается на глас Божий («веяние Божьего Духа»⁷⁸, говоря словами И. А. Ильина), раздавшийся в его совести. Шмелёв показывает, как быстро исчезают мысли о раскаянии у людей, всецело преданных земным интересам и надеющихся только на самих себя:

«Разве уж так я грешен? — подумал с усмешкою Бураев и быстро пошёл из церкви. — Всё это дряблость воли, старые выжимки. Надо крепче держать себя и действовать! И ему стало стыдно, что подчинился какой-то воле, зачем-то пришёл сюда и ищет каких-то “знамений”»⁷⁹.

Как известно, роман «Солдаты» (1924–1933 гг.) остался незавершённым. Причины этого неясны. Но можно предположить, что одна из них — нравственная неопределённость главного героя, отвержение им гласа Божия и покаяния, поиск каких-то «своих» путей в жизни. Вероятно, что в середине 30-х гг. Шмелёв, всё более укреплявшийся в вере, просто потерял интерес к Бураеву как к представителю одного из типов грешников, хотя и с претензией на благородство и патриотизм.

Глубже и ярче всего запечатлелась в сердце писателя Троице-Сергиева Лавра — место первого детского богомолья. Она ярче всего и нежнее всего — «розовым светом» светит миру:

«От колокольни — Троицы сильный свет — видится всё мне в розовом: кресты, подрагивающие блеском, церковки, главки, стены, блистающие стёкла. И воздух кажется розовым, и призывающий звон, и небо. Или — это теперь мне видится... розовый свет от Лавры?.. розовый свет далёкого?.. Всё и доньше вижу, слышу и чувствую»⁸⁰.

И каждый монастырь распространяет этот свет на окружающий мир. Вот, например, описание рынка игрушек у стен Троице-Сергиевой Лавры:

«Игрушечное самое гнездо у Троицы, от Преподобного повелось: и тогда с ребятёнками стекались. Большим от Святого радость, а несмысленным — игрушечка: каждому своя радость.

Всякое тут деревянное точенье: коровки и овечки, вырезные, лещочки и избушки, и кующие кузнецы... и весёлые палатки с сундучками, блистающие, как ризы в церкви. И образа, образа — такое небесное сиянье! — на всякого Святого. И всё, что ни вижу я, кажется мне святым. — А как же, — говорит Горкин, — посвящено всё тут,

78 См.: Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Москва, 2002. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/aksiomy-religioznogo-opyta/10

79 Шмелёв И. С. Солдаты // Он же. Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). Москва, 1998. С. 340.

80 Там же. С. 495.

благословлено. То стояли боры — дрёма, а теперь-то, гляди, — блистанье! И радуется народ, и кормится. Всё Господь»⁸¹.

Схема движения в пространстве, выражающая духовное восхождение героев, та же самая, что в «Росстанях» или в «Путях небесных»: 1) исход из суетного мира, Москвы — «ада» под влиянием мысли о смерти: «Делов-то пуды, а она [смерть. — Д. М.] — туды»; 2) остановка на Посаде рядом с монастырём, где героев принимают «по-царски»⁸²; 3) монастырь и встреча со старцем; здесь Горкин получает извещение о прощении грехов, Федя — указание жениться и жить в миру, а не уходить в монахи; Ваня — крестик и благословение — всё от старца Варнавы.

Посещение монастыря и встреча со старцем Варнавой — главное событие повести, как бы вершина Фавора для её героев. Вершина, где удостаиваются они лицезрения Божественного света, встречи и общения, через святого, с Богом. Это общение происходит через святого Сергия, через старца Варнаву, через храмы, молитвы и таинства. Только в финале следует возвращение в Москву, но это теперь не возвращение, а продолжение пути — богомолья. Вся жизнь становится богомольем — движением к Богу, к Царству Небесному. Покидая Лавру, герои Шмелёва поют «тропарёк», выражающий именно эту мысль:

«Стопы моя направи по словеси Твоему,
И да не облада-ет мно-о-ю-у...
Вся-ко-е... безза-ко-ни-и-е-э..!»⁸³

Можно утверждать, что отношение самого Шмелёва к монастырю и то художественное изображение, которое получил православный монастырь в его прозе, вполне укладываются в рамки православной традиции. Мало того, как совершенно справедливо подчёркивает А. М. Любомудров, «восприятие художником монашества и есть восприятие им собственно православия независимо от того, сознаёт он сам это или нет»⁸⁴.

81 Шмелёв И. С. Солдаты // Он же. Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). Москва, 1998. Т. 4. С. 517.

82 Там же. Т. 4. С. 475.

83 Там же. С. 520.

84 Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. Санкт-Петербург, 2003. С. 42.

Заключение

Монастырь выполняет важные функции в художественном мире писателя. Он и вершина Фавора, где герой удостоивается видения сияния святости; и нравственный (а также и социальный) идеал человеческого общежития; обличитель порока и указатель правого пути. Монастыри у Шмелёва буквально «светят миру». Шмелёв и его герои испытывают постоянное тяготение к святой обители. Всё самое значительное и важное для судеб этих героев так или иначе связано с монастырём.

И именно в монастыре совершается самое главное — встреча человека с Богом. Там начинается, зреет и завершается таинство спасения человеческой души. Монастырь в художественном мире Шмелёва является необходимой и главной ступенью на пути человека к Богу, святым пространством, где во временном начинается вечное. Именно этим монастырь стал и в жизни писателя. Во многом отношение Шмелёва к монастырю и монашеству можно объяснить тем, что именно «монашество — самое полное выражение православия. Вплоть до Нового времени православная культура просвещённой Христовым светом Руси есть культура именно монастырская»⁸⁵.

Как совершенно справедливо отметил В. П. Рябушинский, Шмелёв дорог нам прежде всего потому, что он — свидетель здоровья в коренной русской стихии:

«Вот почему нам так дорог Шмелёв, свидетель здоровья в коренной русской стихии. Когда читаешь Шмелёва, дышишь здоровым воздухом, это помогает восстанавливаться вере в Россию, а, читая талантливых, но, в сущности, упадочных авторов, иногда начинаешь сомневаться: подлинно ли в корне России и сейчас лежит здоровое начало? Подлинно ли ядро её здорово, — а может быть, уродливые наросты интеллигентщины и большевизма и есть сейчас её сущность? Но нет, Россия падала не раз и всегда подымалась. Вся её история — это рассказ о великих провалах и великих подъёмах»⁸⁶.

Шмелёв уловил и выразил в своих произведениях дух истинного православия, дух веры русских святых и представил своё художественное видение мира и человека посредством самых простых, бытовых художественных образов. Главное, что просвещает и весь мир, и каждого человека

85 Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. Санкт-Петербург, 2003. С. 39.

86 Рябушинский В. П. Детство и отрочество Шмелёва // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва. München, 1956. С. 106. [Цитаты приводятся в современной орфографии].

в мире — это неизменное, ничем не затемняемое сияние Солнца Правды — Божественной Любви. Здесь, на земле, облака и тучи часто закрывают это Солнце, и может показаться, что Его нет совсем. Но святые духом поднялись на небо, на такую духовную высоту, где всегда светло и нет сомнений в Божественной любви. Там всегда сияет её Свет, направленный к миру и человеку. И лучшие книги Шмелёва возносят читателя на эту заоблачную высоту, где родная страна и её народ одухотворены авторским дыханием любви. Таким образом, и задачей читателя, преподавателя и исследователя литературы становится уже не только читать и анализировать эти произведения, но и учиться у автора светлому православному отношению к миру и человеку.

Архивные материалы

Серафим, архиеп. Чикагский и Детройтский. Бытописатель русского благочестия (к десятилетию со дня кончины И. С. Шмелёва). [1960] // ОР РГБ. Ф. 387. К. 10. Ед. хр. 49.

Источники

Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Москва: Русская книга, 1998.

Шмелёв И. С. «У старца Варнавы» // *Шмелёв И. С.* Избранные рассказы. Нью Йорк: Изд. Им. Чехова, 1955.

Шмелёв И. С. История любовная. Романы. Москва: Изд. журн. «Москва», 1995.

Шмелёв И. С. «Солдаты» // Москва. 1997. № 3. С. 4–88.

И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. Т. 1 / подг. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. Москва: РОССПЭН, 2004.

И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. Т. 2 / подг. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. Москва: РОССПЭН, 2004.

Шмелёв И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Т. 3 (дополнительный). Ч. 1 / предисл., подг. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. Москва: РОССПЭН, 2005.

Литература

Зайцев Б. К. О Шмелёве // *Зайцев Б. К.* Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 6 (доп.). Москва: Русская книга, 1999. С. 365–367.

- Зеелер В.* Последний день Шмелёва // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва / под ред. В. А. Маевского. Ч. 1. München: Dr. Peter Belej, 1956. С. 9–11.
- Зубова М. В.* Мефодий (Кульман) // ПЭ. 2017. Т. 45. С. 122–123.
- Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта. Москва: АСТ, 2002.
- Карташёв А. В.* Религиозный путь И. С. Шмелёва // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва. München: Dr. Peter Belej, 1956. С. 65–77.
- Деникина К.* Иван Сергеевич Шмелёв // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва. München: Dr. Peter Belej, 1956. С. 24–32.
- Кутырина Ю. А.* Иван Сергеевич Шмелёв // *Шмелёв И. С.* Солдаты. Париж: Изд. Русского научного института при Русской Академической группе, 1962. С. 238–256.
- Любомудров А. М.* Оптинские источники романа И. С. Шмелёва «Пути небесные» // Русская литература. 1993. № 3. С. 104–111.
- Любомудров А. М.* Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелёва // Христианство и русская литература. Сборник статей и материалов: в 7 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 364–394.
- Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003.
- Макаров Д. В.* Народный духовник пещер Гефсиманского скита: образ преподобного Варнавы Гефсиманского в прозе И. С. Шмелёва // БВ. 2020. № 2 (37). С. 324–342.
- Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва / под ред. В. А. Маевского. München: Dr. Peter Belej, 1956.
- Переписка двух Иванов. Т. 1 (1927–1934). Москва: Русская книга, 2000.
- Переписка двух Иванов. Т. 2 (1935–1946). Москва: Русская книга, 2000.
- Переписка двух Иванов. Т. 3 (1947–1950). Москва: Русская книга, 2000.
- Письмо И. А. Ильину от 26 августа 1932 года // Переписка двух Иванов. Т. 1 (1927–1934). Москва: Русская книга, 2000. С. 379–380.
- Пименов Г., прот.* Развитие приходского приюта в Аньере при настоятельстве епископа Мефодия (Кульмана), 1935–1972 гг. // ХЧ. 2020. № 2. С. 10–19.
- Пименов Ю. Г., прот.* Паломнические поездки епископа Мефодия (Кульмана) как способ объединения русской эмиграции // ХЧ. 2021. № 2. С. 279–287.
- Рябушинский В. П.* Детство и отрочество Шмелёва // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва. München: Dr. Peter Belej, 1956. С. 104–109.
- Свенцицкий В., прот.* Монастырь в миру. Москва: Лествица, 1999.
- Солнцева Н. М.* Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: Жизнеописание. Москва: Эллис Лак, 2007.
- Сорокина О.* Московянина. Жизнь и творчество Ивана Шмелёва. Москва: Московский рабочий; Скифы, 1994.
- Sorokin O.* Moscoviana: The Life and Art of Ivan Shmelyov. Oakland (Ca.): Barbary Coast Books, 1987.